

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

ГЕНИЙ

Рассказ

OCR: Евсей

I

Все в городе знали старого громадного еврея с длинными, всклокоченными, как львиная грива, волосами, с бородой, которая от старости была желта, как слоновая кость.

Он ходил в лапсердаке, в стоптанных туфлях и только тем разве и отличался от остальных евреев, что смотрел своими громадными на выкате глазами не вниз, как, говорят, смотрят все евреи, а куда-то вверх.

Проходили годы, поколения сменялись поколениями; неслись с грохотом экипажи; озабоченной вереницей торопились мимо прохожие, мальчишки, смеясь, бежали, — а старый еврей, торжественный и безучастный, все так же двигался по улицам с устремленным взглядом туда вверх, точно он видел там то, чего другие не видели.

II

Единственный человек в городе, которого старый еврей удостаивал своего внимания, был учитель математики одной из гимназий.

Каждый раз, заметив его, старый еврей останавливался и долго, внимательно смотрел ему вслед. Может быть, и учитель математики замечал старого еврея, а может быть, и нет, потому что это был настоящий математик, — рассеянный, маленький, с физиономией обезьяны, который ничего, кроме своей математики, не знал, не видел и знать не хотел. Засунуть в карман, вместо платка, губку, которою вытирают доску; явиться на урок без сюртука, — стало для него настолько обычным делом, а глумление учеников дошло до таких размеров, что учитель, наконец, вынужден был оставить преподавание в гимназии.

С тех пор он весь отдался своей науке и выходил из дома только для того, чтобы пообедать в кухмистерской. Жил он в своем собственном, доставшемся ему от отца большом доме, сверху до низу набитом квартирантами. Но почти никто из квартирантов ничего не платил ему, потому что все это был нищий, бедный люд.

Дом был грязный, многоэтажный. Но грязнее всего дома была квартира из двух комнат в подвальном этаже самого учителя, вся заваленная книгами, исписанной бумагой, с таким толстым слоем пыли на них, что если бы поднять ее всю враз, то, пожалуй, можно было бы и задохнуться.

Но ни учителю, ни старому коту, другому обитателю этой квартиры, никогда и в голову не приходила такая мысль: учитель неподвижно сидел за своим столом и писал выкладки, а кот без просыпу спал, свернувшись клубком на подоконнике с железными решетками.

Пробуждался он только к обеду, когда наступало время встречать учителя из кухмистерской. И он встречал его улицы за две — старый, облезлый. Долгим опытом кот знал, что из тридцатикопеечного обеда полпорции отрезывались для него, завертывались в бумагу и выдавались ему, когда он возвратится домой. И, предвкушая наслаждение, кот с высоко поднятым хвостом, изогнутой спиной, весь в клочках слежавшейся шерсти, шагал по улицам впереди своего хозяина.

III

Дверь в квартиру учителя отворилась однажды и в нее вошел старый еврей.

Старый еврей, не спеша, вынул из-за жилетки грязную, толстую, всю исписанную по-еврейски тетрадь и передал ее математику.

Математик взял тетрадь, повертел ее в руках, задал несколько вопросов, но старый еврей, очень плохо говоривший по-русски, почти ничего не понял, но